

Поправку и дополнение къ гипотезѣ Прадера представляетъ теорія
 Лейпцигскаго прив. - доцента Г. Гирта (статья, *Die Urheimat
 Der Indogermanen, В Записк. Индогерм. Forschungen*, 1899 г.)
 Гиртъ характеризуетъ направление предшествовавшихъ ему попытокъ
 опредѣлить прародину такимъ образомъ: вопросъ пытались рѣшить
 антропология и языковеденіе - каждая наука своими средствами. Пер-
 вая стремилась опредѣлить расовые признаки индоевропейскаго пра-
 народа, второе, - возстановляя индоевропейскій праязыкъ, искала
 такую же страну, гдѣ можно было бы найти всѣ животныя и растенія,
 названія которыхъ могутъ быть, на основаніи свидѣтельства отдѣль-
 ныхъ индоевропейскихъ языковъ, приписаны индоевропейскому праязыку.
 Ясно, что послѣднимъ путемъ можно проникнуть только до эпохи,
 непосредственно предшествовавшей раздѣленію индоевропейскаго пра-
 языка на отдѣльные индоевропейскіе языки. Эта эпоха сравнитель-
 но недавняя. Эпоха же образованія расъ, въ томъ числѣ и индоевро-
 пейской, лежитъ гораздо дальше въ глубинѣ вѣковъ, на цѣлыя десят-
 ки тысячелѣтій отъ нашей эры. Въ промежуткѣ между этими эпохами
 индоевропейскій пранародъ могъ странствовать, мѣнять мѣстожитель-
 ства, а слѣдовательно и обстановку своего развитія (что должно бы-
 ло отражаться на культурной терминологіи), не теряя, однако, при
 этомъ своихъ расовыхъ отличій. Объ этомъ промежуточномъ періодѣ
 языковеденіе ничего не можетъ сказать. Въ виду этого, языковѣду
 лучше всего оставаться на почвѣ своихъ фактовъ и своего метода.
 Языковеденіе устанавливаетъ одинъ индоевропейскій праязыкъ и, слѣ-
 довательно, получаетъ право говорить объ одномъ только индоевроп.
пранародѣ, что необходимо предположить въ виду одного языка. Но
 имѣлъ ли этотъ народъ одинъ цѣлостный расовый характеръ (вспом-
 нимъ предположенія, что индоевропейцы должны были быть блондинами,

глубокоглазыми, высокаго роста и т.д.), доказать лингвисты не могут. Напротивъ, вѣроятнѣе, что и тогда этотъ пранародъ могъ составлять результатъ смѣшенія двухъ, и даже нѣсколькихъ расъ.

Установивъ, такимъ образомъ, общее направленіе того пути, по которому нужно идти лингвисту къ рѣшенію задачи, Гиртъ переходитъ къ критикѣ, какъ европейской (точнѣе русской) гипотезы Шрадера, такъ и азіатской І. Шмидта. По его мнѣнію, съ которыми нельзя не согласиться, древніе слѣды шестиричнаго счета, на которые указываетъ І. Шмидтъ въ индоевропейскихъ языкахъ, не могутъ имѣть значенія доказательства въ пользу азіатскаго происхожденія индоевропейцевъ.

У арійцевъ, т.е. индоиранцевъ, этихъ древнихъ слѣдовъ нѣтъ. Стало бытъ они уже были отдѣлены отъ пранарода, когда остальные народы усвоили этотъ счетъ отъ ассиро - вавилонянъ. Между тѣмъ, индоиранцамъ, жившимъ и живущимъ ближе остальнымъ индоевропейцевъ къ сумеро - вавилонскимъ культурнымъ центрамъ, слѣдовало бы имѣть еще болѣе сильныя слѣды такого культурнаго вліянія. Въ свою очередь, западные индоевропейцы, или европейцы просто, не должны были непременно получить свой шестиричный счетъ отъ вавилонянъ: зыряне также послѣ 60 считаютъ иначе, у китайцевъ это число также имѣетъ особое значеніе. Число 12 играетъ особую роль у этрусковъ, и т.д. При такомъ распространеніи этого счета можно ли его приписывать первично только однимъ вавилонянамъ? Очевидно, что гипотеза Шмидта построена на очень слабыхъ доводахъ.

Что касается до степной прародины Шрадера, то она мало вѣроятна: индоевропейцы, несомнѣнно, знали медвѣдя (животное не степное), не знали пчелы, которая въ восточныхъ степяхъ Россіи встрѣчается (хотя медъ былъ извѣстенъ: скр. *madhu* слав. МЕДЪ, лит. *medis* греч. μέλι, нѣм. *Metz* и т.д.), различали не два а три времени года (Гиртъ не согласенъ со Шрадеромъ, отрицающимъ, что ВЕСНА, лат. *ver*, сканд. *vár*,

верн

греч. ^{εοφρη} *εαρ* первоначально значили не весна, а весна и лето вместе.

Значение литовского *vasarai* = лето, имеет небольшой вес, в виду большинства примеров, указывающих на значение весна).

Кроме того, индоевропейцы несомненно хорошо знали употребление судов и судоходство (санскр. *nāus*, греч. ^{ναυπη} *ναυς*, лат. *nāvis* указывают на знакомство индоевропейцев с этим культурным понятием), что едва ли было возможно в степях, где нет, ни достаточных водных пространств, ни больших деревьев, необходимых для изготовления даже самых примитивных челноков - однодревок. Нельзя же предположить, что степняки индоевропейцы получили такие стволы путем мвновой торговли, при помощи которой Шрадер вообще пытается оправдать присутствие у индоевропейцев известных культурных понятий, не объяснимых из их степной обстановки. Что касается до принимаемых Шрадером двух этапов на пути от прародины к теперешнему распределению отдельных индоевропейских народов по земной поверхности 1) эпохи европейской общей культуры и 2) эпохи общей арийской культуры, то исследователю необходимо преодолеть следующие трудности при постановке этой гипотезы: Для общего арийского периода есть несомненные доказательства: целый ряд особенностей (фонетических и морфологических), свойственных индийским и иранским языкам, указывает на то, что некогда эти языки составляли одно целое, уже отделившиеся, однако, от праязыка. (герм., итало-кельтск., албанск., греч., литво-слав.) Нет никаких таких свидетельств; напротив, известные особенности роднят ближе литво-славянскую группу с арийскими, чем с западно-европейскими языками. При невозможности допустить существование общего европейского праязыка. (сына индоевропейского праязыка и брата арийского), во время существования которого европейцы сообща выработали общие или культурные понятия и названия,

отношения Прадеромъ къ эпохѣ обще-европейскаго единства, общность этихъ понятій и названій у всѣхъ европейцевъ можно объяснить только тремя способами: 1) европейская общая культура развилась очень быстро, такъ что языкъ за это время не успѣлъ еще измѣниться. Мало вѣроятно: такіе успѣхи культуры, какъ переходъ отъ быта кочевого къ земледѣльческому, совершаются очень медленно, исподволь, стало быть требуютъ довольно длиннаго періода для своего завершения, а такой длинный періодъ (нѣсколько вѣковъ, три - четыре, по крайней мѣрѣ) немислимъ безъ параллельныхъ существенныхъ измѣненій языка. 2) Обще-земледѣльческіе термины могли быть заимствованы европейцами другъ у друга, вмѣстѣ съ культурными понятіями, представляя, такимъ образомъ, большой слой древнѣйшихъ заимствованій (объясненіе, намѣченное Геномъ). До известной степени такое предположеніе вѣроятно, но лишь для нѣкоторыхъ терминовъ, а не для всѣхъ; для общихъ же названій деревьевъ оно совсѣмъ непригодно. Хотя и эти термины иногда странствуютъ (ср. букъ, пальма), но не все. 3) Европейцы въ своихъ земледѣльческихъ терминахъ сохранили старую, общиндоевр. терминологию и только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ создали нечто новое и расширили ее. Основной же запасъ ея былъ выработанъ еще въ общую индоевропейскую эпоху и унаследованъ европейцами изъ индоевр. праязыка. Аріицы же, по какимъ то причинамъ оставившіе прародину, и пошедшіе по степямъ юго-восточной Европы на югъ, утратили въ долгомъ странствованіи свою долю старыхъ сатавическихъ и земледѣльческихъ терминовъ. Когда же часть ихъ (будущіе индусы) пришла въ жаркія страны Индіи, гдѣ ихъ встрѣтила совсѣмъ другая растительность и фауна, имъ пришлось создавать совсѣмъ новую терминологию. Изъ всѣхъ этихъ трехъ возможностей самая вѣроятная - послѣдняя. Въ пользу ея говорятъ слѣдующіе факты и догадки: 1) Море. Обыкновенно знакомство индоевропейцевъ

съ моремъ отрицается., ибо въ санскритѣ для этого понятія имѣется слово другого корня, чѣмъ лат. *mare*, слав. *морѣ*, нѣм. *Meer*. Но аріицы жили долгое время вдали отъ моря въ плоскогоріяхъ Ирана (гдѣ проводили вмѣстѣ эпоху общеарійской культуры), да и индусы въ эпоху вад не знали моря. Странствуя и живя, по отдѣленіи отъ индоевропейцевъ въ континентальной странѣ, аріицы конечно могли забыть общій индоевропейскій терминъ моря и, возобновивъ знакомство съ этимъ понятіемъ, создали новый терминъ. Между тѣмъ есть нѣкоторыя указанія въ языкѣ на то, что европейскія формы *mare*, *морѣ* очень древняго происхожденія, стало быть могутъ принадлежать индоевропейскому праязыку. На это указываютъ и нѣкоторыя греческія слова (*βυζύριον* и *βυζύριος* - морская пучина, *βυζύριος* - прилагательное - пучинный), въ которыхъ можно подозрѣвать слабую форму корня *mar*, имѣющагося въ *mare*, *морѣ* и т.д. - *mr*. А такія слабыя формы корня ведутъ свое начало изъ индоевроп. праязыка, стало быть этотъ корень уже въ индоевроп. эпоху употреблялся для обозначенія моря, которое, следовательно, было некогда знакомо всѣмъ индоевропейцамъ. Здѣсь индоевр. могли узнать и соль. Хотя санскритъ и не имѣетъ этого корня, но въ склоненіи индоевр. формъ (лат. *sal*, гр. *αλς*, слав. *соль* и т.д.) имѣются указанія (слѣды одного очень древняго склоненія) на существованіе этого корня еще въ индоевр. праязыкѣ съ тѣмъ же значеніемъ. Т. об. понятія и термины море и соль могутъ быть отнесены къ индоевр. эпохѣ. Съ другой стороны деревья могутъ быть локализованы и потому ихъ названія имѣютъ особую цѣну для опредѣленія мѣста прародины. Разматривая названія березы, ивы, пихты или сосны и дуба, Гиртъ приходитъ къ заключенію, что всѣ эти деревья были знакомы индоевропейцамъ: *Брѣза*, береза, лит. *beržas* нѣм. *Birke*, скр. *वृक्ष*
Бхуѣжа

стрел. *ВѢТЛА* или *ВѢТЬЛА*, рус. ветла, ветла, др. нѣм. *wida* те-
 перешнее *Weide*, гр. *βίτλα*, изъ *βίτλ'α* лат. *vītax* др. ирл. *vacti*
 перед. *wid* или *wid* и т. д. *βίτλα* въ греч. *βίτλα*, македонск.
βίτλα ^{др. ирл.} ирл. *daix*, *daix* — означает дубъ, но тотъ же корень
 въ сканд. *tyrn* сосна, ср. верхн. нѣм. *χίρβε*, *χίρβел* — кедръ, от-
 куда гол. *teer*, сканд. *gara* ^{смола} — смола означает хвойное дерево
 — сосну или фихту. Съ этимъ согласуется литовск. *derwa* (сосновая
 древесина), лат. *larix* вм. *darix* (лиственница), скр. *deva-daru*,
pitu-daru (высоко растущіе въ Гималаяхъ виды пихты), а иногда
 и просто *daru* (пихта). Отсюда выводъ, что это хвойное дерево бы-
 ло самымъ распространеннымъ деревомъ въ прародинѣ индоевропейцевъ
 отчего его имя въ нѣкоторыхъ языкахъ стало нарицательнымъ для вся-
 каго дерева. (слав. *дрѣво*, гот. *triu*, англ. *tree*). Съ санскр.
pitu гр. *πίτυς* ^{имит} можно сблизить и лат. *pinus* (сосна) и б. *pitnus*
 или *pitnus*. Это было бы второе индоевр. слово для того же поня-
 тія. Точно также вѣроятно, что и дубъ былъ извѣстенъ индоевро-
 пейцамъ. Между тѣмъ все эти 4 дерева растутъ вмѣстѣ только въ Ев-
 ропѣ (за Ураломъ дубъ пропадаетъ, на что Гиртъ не обращаетъ осо-
 бато вниманія). Въ Индіи и Иранѣ (особенно въ первой) аріицы лег-
 ко могли забыть нѣкоторыя общія европейскія ботаническія назва-
 нія. Ближайшее опредѣленіе индоевр. прародины достигается путемъ
 исключенія неподходящихъ странъ Европы: исключаются Греція и Ита-
 лія, гдѣ береза не встрѣчается (кот. и соответствують слова въ
 греч. и лат., хотя въ послѣднемъ имѣется мож. б. воспоминаніе о
березѣ въ словѣ *fraxinus* = ясень, стволы которой покрыты также бѣ-
 ловатою корой). Средняя Европа тоже не годится, ибо въ ней растутъ
буки, неизвѣстныя славянамъ. (слово букъ заимствовано изъ герм.
 яз.). Стало бытъ прародина индоевропейцевъ должна лежать на вос-
 токѣ отъ восточной границы бука, идущей отъ Кенигсберга до Крыма

и Кавказа. Точно также определяется и то море, которое должны бы-
ли знать индоевропейцы: Черное и Каспийское не подходят, ибо ле-
жать в степной области. Кроме того, в притоках их не водится
угря, тогда как эта рыба несомненно была знакома европейцам
и, вероятно, и индоевропейцам: ср. греч. ²¹ $\xi\upsilon\chi\epsilon\lambda\omicron\varsigma$, лат. *anguilla*,
др. прус. *angurdis*, рус. угорь, польск. *węgorz*, стрел. $\text{R } \rho\omicron$
 $\text{R } \eta\text{штб}$. Это слово свидетельствует также о европейском происхожде-
нии индоевропейцев (в Азии и в угря). Шрадер и I. Шмидт не
придают значения этому термину и думают, что слово, обозначаю-
щее рыбу-угорь, развилось в отдельных индоевр. языках из назв.
„змея“. Но такое объяснение вероятно только для латинского *an-*
quilla = как бы „маленькая змея“ (змея = *anguis*), но в гр.
слово $\xi\upsilon\chi\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ стоит особняком и имеет совсем ²² $\xi\upsilon\chi\epsilon\lambda\omicron$ = змея. В сла-
вянском наоборот, форма угорь имеет более первичный характер,
чем ужь (стрел. $\text{R } \mu\text{б}$, польск; *węz* - лат. *anguis* - змея). Ско-
рее в основѣ этих двух слов лежит один и тот же корень, отъ
котораго они и образованы уже в очень древнюю эпоху. Немецкое
море, в притоках котораго водится угорь, не годится потому, что
на его берегах растет буекъ, остается, стало быть, только бал-
тійское море, къ юго-востоку отъ котораго лежала прародина индоев-
ропейцев. Какую часть этого пространства занимали Индоевропейцы
конечно пока нельзя определить. Но все культурно-историческіе дан-
ны подходят къ этой мѣстности: волкъ, медвѣдь - обыкновенныя жи-
вотныя здѣсь, льва и тигра не было, воды много, въ огромныхъ лѣ-
сах имѣлся достаточный матеріалъ для постройки первобытныхъ су-
довъ (скр. *naus*, греч. $\nu\alpha\upsilon\varsigma$, лат. *navis*), здѣсь же могъ яви-
ться общій европейцамъ культъ льва. Для лошади (кот. европейцы
знали) было мало простора (верховая ѡзда, свойственная кочевникамъ,
неизвѣстна была ни Грекамъ Гомера, ни индусамъ Ригведы, которые,

однако, знали употребленіе двухколесныхъ повозокъ и даже сража-
лись на нихъ); медь - продуктъ пчелы (для названія которой нѣтъ,
страннымъ образомъ, общаго индоевропейскаго термина, м. б. потому,
что пчелу не культивировали, а пользовались только медомъ дикихъ
пчелъ, находимымъ въ дуплахъ. Ср. бартевое пчеловодство), могъ
быть также извѣстенъ индоевропейцамъ. Древній характеръ литовска-
го и славянскаго языковъ объясняется тѣмъ, что литовцы и славяне
остались ближе всего къ мѣстамъ старинной индоевропейской осѣдло-
сти и сохранились лучше въ первичной чистотѣ.

Ирадеръ

Грамматика с литовскаго языка

и литовскаго языка